

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ РАБСТВА У АЦТЕКОВ

В одной из недавних научных публикаций, посвященных сравнительному анализу экономических, политических и социальных отношений в государстве инков и ацтеков, высказывается утверждение о более высоком общественном развитии последних¹. По мнению У. Шлентера, власть инков на покоренной земле была прочнее, чем власть ацтеков на своей территории, и это объясняется различной политикой завоевателей. Однако в государстве инков отмечался застой общественного и экономического развития, а у ацтеков оно проходило более динамично. В то время как у инков, рассуждает автор, земля, этот важнейший показатель уровня социального развития, ежегодно заново распределялась соответственно величине отдельных общин, в кальпулли, общине ацтеков, она все время оставалась в руках одной семьи. Поскольку размеры полей и почвы были различны, это приводило к социальной дифференциации среди кальпулли. Если у ацтеков ко времени испанского завоевания уже прослеживается второе и третье крупное общественное разделение труда, то у инков нельзя было проследить даже зачатков его. Основываясь на этих и некоторых других данных, автор приходит к заключению: если государство инков по его характерным чертам можно связать с древневосточным классовым обществом, то развитие ацтекской общественной системы накануне Конкисы привело к появлению зачатков феодализма.

С другой стороны, здесь же можно привести и диаметрально противоположное мнение (Н. Дэвис), согласно которому ацтекское государство скорее альянс племен для сбора дани, чем империя, ибо ему «...не хватало сильной организации и тщательной разработанной системы накопления, развитой... в Перу империей инков»².

Хотя задача настоящей работы не состоит в сравнительном анализе социальных достижений и недостатков двух крупнейших цивилизаций доколумбовой Америки, приведение здесь этих противоположных мнений показывает, что вопрос о стадии развития, на которой находилось ацтекское государство, далеко не решен. Одна из наиболее существенных в связи с этим проблем — древнеацтекский вариант рабства, на необычность

¹ *Schlenther U. Bodenbesitzverhältnisse und Tribute bei den Inka und Azteca.— Ethnographisch-archäologische Zeitschrift, 1975, H. 1, S. 1—83.*

² *Davies N. The Aztecs. A History. L., 1973, p. 93. Об особенностях исторического развития в древнем Перу см. Зубрицкий Ю. А. Инки-кечуа. М.: Наука, 1975, гл. 1—2.*

и «нетрадиционность» которого указывал еще в XVI в. один из первых европейских хронистов, францисканец Т. В. Мотолиния (ум. 1569)³. Возможно, предпринятое нами более детальное рассмотрение данного общественного института позволит вынести суждение относительно правомерности того и другого мнения.

В социальной структуре ацтекского общества выделялись следующие пять групп: воины (*yaquitzque*), жрецы, в зависимости от сана называемые по-разному, купцы (*pochteca*), простолюдины (*macehualli*; сюда же входили и ремесленники), рабы (*tlacotli*)⁴. Первые три сословия составляли привилегированные классы общества, четвертая и пятая группы — его эксплуатируемую часть. Разумеется, внутри трех верхних сословий существовала иерархия, обусловленная размером собственности и, следовательно, общественным положением. Масеуалы также не составляли однородной массы, и анализ их положения чрезвычайно важен в связи с вопросом о характере ацтекской системы рабства. Однако по соображениям логики изложения речь о них пойдет ниже.

Все сословия четко разделялись, причем это можно было определить даже по одежде, ибо согласно одному из законов, введенных Монтесумой I (1440—1469), каждое сословие должно было носить свой вид одежды⁵. Разумеется, это в такой же, а может быть, и в большей степени касалось и рабов, составляющих социальные низы общества.

Практически все известные индейские и европейские авторы эпохи первых десятилетий испанского владычества отмечали существование у ацтеков такой социальной группы, как рабы. Наиболее интересные и ценные сведения этнографического характера по данному вопросу содержатся в сочинениях европейских хронистов, благодаря которым и возможно в настоящее время воссоздание картины рабовладельческих отношений у ацтеков. Весьма любопытные и подробные данные о положении и роли рабов в ацтекском обществе представлены прежде всего в трудах историка-доминиканца XVI в. Д. Дурана (1538—1588). Он сообщает, что в древнеацтекском обществе была широко распространена торговля рабами, посредником в которой обычно выступали купцы. Наиболее крупные рынки работорговли находились в двух городах — Ацкапоцалько и Исокане. Рабам, предназначенным для продажи, обычно одевали деревянные или металлический ошейник (*куаукоскатль* — *cuauhocatzatl*) с небольшими колокольчиками, сквозь который проходил прут около 1 м длины — атрибут достаточно неудобный, но зато заметный (рис. 1)⁶.

Торговля рабами в древней Мексике имела довольно классический вид: «Владельцы заставляли их танцевать и петь для того, чтобы купцы загорелись желанием купить... их заставляли раздеваться и рассматривали с ног до головы...»⁷. Рабы обменивались на самые различные вещи — тка-

³ *Motolinia T. B. Memoriales*. Madrid, 1970, p. 170.

⁴ *Carrancá y Trujillo R. La organización social de los antiguos mexicanos*. México, 1966, p. 30—32.

⁵ *Durán D. Historia de las Indias de la Nueva España y Islas de la Tierra-Firme*. T. 2. México, 1967, cap. 26. Интересно, что у тарасков, военных и политических соперников ацтеков, социальное положение также связывалось с определенным типом одежды (*Foster G. M. Empire's Children. The People of Tzintzuntzan*. México, 1948, p. 11).

⁶ Следует подчеркнуть, что и в раннеколониальный период, когда ацтекское рабство было уже «европеизировано», эта функция сохранилась за индейскими купцами. Почтеки платили за рабов золотом и перьями птицы кецаля, перепродавая их затем испанцам, нуждающимся в рабочей силе. Мало изменились и другие элементы в работорговле, в частности рабов приводили на рынок все в том же «языческом» ярме, ошейнике (*Berthe J.-P. Aspects de l'esclavage des indiens en Nouvelle-Espagne pendant la première moitié du XVIe siècle.— Journal de la Société des Américanistes, 1965, t. 54, f. 2, p. 193*).

⁷ *Durán. Op. cit., t. 1, cap. 20, p. 181—182.*

Рис. 1. Оригинальный индейский рисунок, изображающий древнемексиканский рынок

ни, накидки, драгоценные перья и т. п. Стоимость раба, разумеется, колебалась в зависимости от тех достоинств, которыми он обладал, но обычная его цена равнялась 20 накидкам⁸. Однако рынок работорговли по законам древнеацтекского государства — это уже последняя ступень в системе рабства, за которой начиналась абсолютная зависимость раба от рабовладельца. Данному этапу предшествовали многие другие, составляющие в своем существовании картину социально-классового антагонизма. Каковы же были те обстоятельства, которые приводили в неволю ранее свободных людей?

Хотя пути обращения в рабство в Новом и Старом Свете во многом сходны, безусловное своеобразие этого процесса у ацтеков совершенно очевидно. Прежде всего практиковалась продажа в рабство за кражу собственности. Однако, согласно одному из 80 законов, установленных Несауалькотсином (1418—1472), правителем г. Тескоко (союзного с г. Мехико = Теночтитланом), размер украденного должен быть незначительным. В противном случае, как сообщал один из потомков индейского правителя историк Иштлильшочитль (1568—1648), вора судили и предавали смерти через повешение⁹. За убийство кормильца семьи виновный также подвергался смертной казни. Однако вдова убитого могла освободить убийцу от смерти, сделав его рабом своих детей. Отдавали в рабство и тех, кто занимался хищением детей с целью продажи их в неволю. Впрочем, в г. Тескоко расправа с похитителями была гораздо более жестокой — их казнили¹⁰. Существование этого закона было вызвано необходимостью избавиться от людей, превративших кражу и перепродажу детей в рабство в весьма доходное занятие.

⁸ Motolinia. Op. cit., p. 171.

⁹ Ixtlilxochitl F. A. Historia chichimeca. México, 1892, cap. 38, p. 188; см. также Motolinia. Op. cit., p. 165.

¹⁰ Ixtlilxochitl F. A. Relaciones. México, 1891, p. 237.

Было распространено, само собой разумеется, и долговое рабство. Конкретно оно проявлялось в том, что человек получал необходимые для него вещи взамен собственной свободы, и в том случае, если должник в положенное время не возвращал их, то становился рабом. Любопытно, что находились «хитрые и ловкие» люди, которые, уже будучи рабами, вторично «закладывали» себя. Но это, разумеется, пресекалось особыми законами и правилами. Неволей наказывалось и предательство по отношению к государству или своему непосредственному господину. Если, например, родители изменника догадывались о предательстве, но не сообщали об этом, их отдавали в рабство, а сам изменник предавался смерти. Согласно же вышеназванным законам Неса'уалькойотсина, судьба родственников предателя была еще более суровой: «...его... домашние до четвертого поколения становились рабами»¹¹.

И все же наиболее характерным для древнеацтекского общества было патриархальное рабство. Так, родители могли продать в рабство своих «нерадивых» детей. В источнике это трактуется как своего рода наказание для социально-пассивных членов общества — пьяниц, бездельников, чрезмерно увлекающихся азартными играми и т. п., причем по закону эта практика допускалась как будто только в том случае, если родители имели более четырех детей¹². Тот, кто продал своего ребенка, устраивал на вырученную сумму обед для своих родственников. Во время трапезы хозяин обязан был следить за тем, чтобы его домашняя прислуга не прикасалась к этой пище. Если же последнее все же случалось, слуги становились рабами, так как согласно обычаю в трапезе могли участвовать только родственники. В этом ритуальном обеде отмечаются черты своего рода потлача: сумма, вырученная от продажи в рабство члена семьи, не могла рассматриваться в качестве прибыли как таковой. Что касается запрета участвовать в трапезе челяди, то объяснение ему может быть скорее всего чисто религиозное: таким образом устранялась возможность магического, через пищу, опасного влияния чужих по крови лиц на дальнейшую судьбу поработанного родственника. Нет никаких сомнений в том, что описанный только что обычай имел место всегда, даже при затрудненных материальных обстоятельствах семьи, именно в силу его глубокого магического смысла.

Надо полагать, что продажа «непослушных» детей случалась чаще в неурожайные годы, когда проходила широкая работорговля. Один из наиболее значительных хронистов XVI в. франсисканец Б. Саагун (1500—1590) оставил относительно этого следующее сообщение: «Когда случался... голод... многие бедняки, мужчины и женщины, продавались в качестве рабов, а покупали их богатые, у которых были... большие запасы продуктов, ...бедняки продавали не только самих себя, но также... своих детей и весь свой род»¹³. Как писал индейский автор Тесосомок (1520—1600), в периоды голода, чтобы избежать смерти, люди «...отдавали себя за алмуд майса» купцам, и те уводили их продавать¹⁴. Рабов продавали не только в близлежащие районы, но и на чужбину. Так, в 1454—1456 гг. трагедией ацтекских общинников воспользовались тотонаки — не родственник ацтекам народ, являющийся их данником¹⁵. В зависимости от обстоятельств был возможен и обратный вариант. Можно поэтому легко представить, сколь пестрым и разнообразным в этническом и культурном отношении был класс рабов в древнеацтекском обществе.

¹¹ *Idem*. Historia chichimeca, cap. 38, p. 188.

¹² Sahagún B. Historia general de las Cosas de Nueva España. México, 1956, t. 2, libro 7, p. 269.

¹³ *Ibid.*, p. 269.

¹⁴ Tezozómoc F. A. Cronica Mexicana. México, 1944, cap. 40, p. 167.

¹⁵ Durán. Op. cit., t. 2, p. 241—244.

Лишь немногие из рабов, отработав положенное время, возвращались на свободу. Практически же, как писал Б. Саагун, продав себя в рабство, «...они становились рабами навсегда, так как они говорили, что... рабство, которое случалось в такое время, не имело перспективы когда-нибудь закончиться...»¹⁶. Действительно, для подавляющего числа рабов их неволя оказывалась достаточно длительной, если не постоянной. Какая же жизненная перспектива была им уготована? Что входило в функции, обязанности рабов в период между их обращением в рабство и маловероятным освобождением? Использование рабского труда носило обычный характер. Рабы выполняли самую различную работу в доме своего хозяина: перетаскивали тяжести, обрабатывали посеvy, собирали урожай на полях и т. п. Гораздо больше необычного было в правовом статусе древнеацтекских рабов. Так, не в пример классическим рабовладельческим системам Старого Света, рабы здесь имели землю, дома, жен, детей. Их дети рождались свободными. Господин не имел права на имущество, принадлежащее рабу и его семье. Рабы даже торговали на местных рынках, как это изображено на индейском рисунке, приложенном к настоящей статье. Словом, по заверению одного из хронистов, «...рабство не было таким тяжелым, чтобы... из-за него... убежали»¹⁷.

Те из рабов, которые все же были «нерадивыми» или «склонными к побегу», умирались. Сначала хозяин раба в присутствии свидетелей трижды предупреждал его, склонял к «труду и послушанию». Если и после этого раб продолжал «лениться и бунтовать», ему одевали на шею куаукоскатль и могли продать на одном из ближайших рынков, причем, как уже отмечалось, все операции, связанные с продажей рабов, выполняли обычно купцы. Если и после второй продажи (это число раз обычно выкрикивали купцы) раб «бунтовал», его могли купить для принесения в жертву; однако, как утверждал хронист, таких рабов все же редко использовали для жертвоприношений¹⁸.

Среди правил и законов, по которым ацтекский раб мог получить свободу, можно отметить как традиционные для любого рабовладельческого государства, так и специфически древнеацтекские. Из первых — это возможность выкупить раба, предоставляемая родителям и родственникам. Но, как писал Б. Саагун, для подавляющего числа рабов этот путь был малодоступен. Столь же редкой была и возможность получить свободу, вступив в брак со свободным членом общества¹⁹, или освобождение по завещанию хозяина²⁰.

Из специфически древнеацтекских обычаев, связанных с освобождением, примечательны следующие. Так, если раб, приведенный для продажи, убежал и границу рынка пересекал раньше своего хозяина, то по особым правилам он получал освобождение. Опасаясь подобных побегов, рабов обычно приводили на рынок крепко связанными друг с другом в цепочку. Если во время преследования хозяином убежавшего раба кто-нибудь преграждал путь владельцу, хватал за руку, т. е. всячески мешал, он становился рабом, а раб — свободным. Но так как это условие знали все находящиеся на рынке, подобного рода освобождение случалось, как сообщает хронист, не чаще одного раза в год²¹. Раб мог искать защиту во дворце, доме крупного должностного лица, и в данном случае единственным, кто мог этому препятствовать, был его хозяин. Разумеется, все эти законы представлены и изложены с чисто формальной, теоретической

¹⁶ *Sahagún*. Op. cit., p. 269.

¹⁷ *Motolinía*. Op. cit., p. 58.

¹⁸ *Ibid.*, p. 174.

¹⁹ *Durán*. Op. cit., t. 1, cap. 20, p. 185—186.

²⁰ *Motolinía*. Op. cit., p. 174.

²¹ *Durán*. Op. cit., t. 1, cap. 20, p. 186.

стороны, на практике же, что можно легко представить, рабовладельцы находили способы обходить их, и в действительности положение рабов было гораздо более тяжелым и несправедливым.

В еще большей степени самобытность древнеацтекской рабовладельческой системы проявлялась в сочетании собственно рабства и его скрытых форм. Дело в том, что в рабство в зависимости от обстоятельств попадали иногда не все члены семьи, и в таком случае она могла состоять как из свободных, так и рабов. Последнее обстоятельство приводило к тому, что часто место несвободного члена семьи занимал свободный, т. е. происходил обмен социальным положением. Подобные операции имели большой экономический смысл, поскольку с хозяином заключалась новая сделка о передаче в рабство другого члена семьи бедняка, в результате которой последняя получала некоторую материальную прибыль, дополнительные средства к существованию. Фактическое осуществление этого закона приводило к возникновению особого типа рабства, который назывался *уеуэлатлакулли* (*huehuetlatlaculli*), «старинная повинность» или «рабство». Суть его состояла в том, что семья должника обязана была постоянно предоставлять раба в распоряжение хозяина, и в том случае, если работник умирал, его должен был заменить другой. Право это хозяин терял только в том случае, если раб умирал в его доме. Возможно также именно поэтому последние, сохраняя свой статус, не жили в доме рабовладельца, а приходили туда только для работы.

Но самым показательным было то, что если кто-нибудь из семьи, зависимой от рабовладельца, заводил собственную семью, он не освобождался тем самым от обязательств по отношению к хозяину. Более того, каждый из членов новой семьи становился потенциальным рабом²². В результате рабовладелец и его наследники расширяли свои права на все большее число семей, хотя формально последняя и не состояла из рабов. Несомненно, рабы выражали недовольство своим тяжелым положением и протестовали против него. И хотя имеющиеся в распоряжении исследователей источники не сохранили сообщений о выступлениях рабов, нет никаких сомнений в том, что такие выступления имели место, вливаясь в ту бесконечную цепь волнений и недовольств властью ацтеков, о которых в избытке сообщают хронисты и историки. В противном случае не было бы необходимости одному из последних доиспанских правителей г. Тескоко Неса'уальпилсинтли (1472—1515) издавать в 1505 г. специальный указ, по которому аннулировались долги семей, приводящие к возникновению *уеуэлатлакулли*.

Непрерывным атакам со стороны рабовладельцев подвергалось и традиционное право ацтекских рабов, в соответствии с которым их дети рождались свободными. Видимо нарушения этого закона были так часты, а сопротивление рабов этому столь сильным, что появился указ, запрещающий продавать детей рабов в неволю, чтобы, как писал историк, они «...пользовались естественной свободой, которую им дал бог»²³. Разумеется, появление обоих указов не имеет никакого отношения к «мудрости» и «справедливости» — добродетелям, которые обычно авторы хроник приписывают Неса'уальпилсинтли. Это можно рассматривать как попытку стабилизации социальной жизни и юридического оформления взаимоотношений между рабовладельцами и зависимыми от них рабами и членами их семей. Однако в высшей степени сомнительно, что оба закона реально воплощались в действительность.

Таким образом, древнеацтекское общество закономерно двигалось по пути формирования классовой системы и усиления классового противо-

²² *Motolinia*. Op. cit., p. 173.

²³ *Ixtlilxochitl*. *Historia chichimeca*, cap. 68, p. 298.

стояния. И не последняя роль во всем этом принадлежала рабам и их трудовой деятельности. Выше уже отмечались основные сферы приложения труда рабов. Однако, пожалуй, самое показательное заключается в том, что рабовладелец часто использовал раба не только в собственном хозяйстве, но и отправлял его в своего рода намы, на оброк, например носильщиком в купеческие караваны. Все заработанное в этом случае поступало хозяину-рабовладельцу²⁴.

Время от времени ацтекские власти принимались за осуществление крупных строительных проектов: сооружение храмов, мостов, дамб и т. п. В этом случае как и собственно ацтекские районы, так и покоренные провинции поставляли не только материал, но и рабочую силу, которую, естественно, в значительной степени составляли рабы. Этот факт является принципиальным для правильного освещения ацтекского варианта рабовладельческой эксплуатации, когда раб, будучи таковым по статусу, превращался в работника, чья доля труда была значительной, если не основной, в материальном производстве, а это не совсем соответствует традиционному положению о незначительности и неразвитости рабского труда во времена ацтекской империи. Нет, следовательно, никаких оснований для того, чтобы ограничивать труд рабов только выполнением работ в доме и хозяйстве его владельца. Он был разнообразным и являлся прямым порождением хозяйственной деятельности рабовладельческого государства. Степень зависимости от рабовладельца была различной, вследствие чего существовали и различные категории рабов: от находящихся в полной власти рабовладельца, на которых можно было даже делать ставку в азартной игре или пожертвовать богам, до тех групп, что владели землей, имели семьи и ведение дел с которыми требовало от рабовладельца, хотя и в идеальном варианте, знания и соблюдения соответствующих законов и правил.

Однако весь представленный выше материал отражает лишь два традиционных источника пополнения армии рабов — долговое и патриархальное рабство. Отсутствует третий, важнейший для этого социального института путь — захват рабов в результате войн. Действительно, первоисточники ясно и определенно указывают на то, что все пленные, захваченные в бою, приносились в жертву богам. Одной из причин, затрудняющих, по мнению некоторых авторов, использование военнопленных в качестве рабочей силы, была та, что они не являлись, как, например, в древнем Риме, собственностью тех, кто взял их в плен, а предназначались для жертвоприношений²⁵. Но существуют указания, в частности у Б. Саагуна, на то, что во время жертвоприношений владельцы пленных «пожинали славу» и после совершения обряда получали их останки для продолжения ритуала уже в собственном доме. Хотя сам по себе этот факт не столь существен, чтобы разрушить ставшее уже «каноническим» представление о судьбе воинов-пленников, иметь его в виду необходимо.

По отношению к гражданскому населению противной стороны победители поступали столь же обычно и закономерно, как и в Старом Свете: население покоренной области облагалось данью, и в качестве местного правителя назначался ставленник победителей. В том случае, если побежденная провинция поднималась против власти ацтеков, последние применяли карательные меры. Д. Дуран пишет, что во времена правителя Ауицотля (1486—1502) при подавлении восстания в одном из районов государства ацтеки пощадили только «...юношей и девушек, мальчиков и девочек..., которых распределили по всем провинциям и городам...

²⁴ Motolinía. Op. cit., p. 174.

²⁵ Moreno M. M. } La organización política y social de los aztecas. México, 1964, p. 59.

Мексике»²⁶. Судя по всему, дороги ацтекской империи вследствие необходимости постоянного усмирения поработанных районов имели довольно обычный для древнего общества вид: вереницы невольников, назовем их так, сопровождаемые стражей, направлялись в распоряжение властей наиболее важных государственных центров. Здесь их тщательно охраняли, заботились о том, чтобы они не погибли от голода, чтобы в конце концов... принести в жертву богам.

Именно однозначная судьба военнопленных и их мятежных соплеменников вынуждает исследователей отказывать этому обществу в рациональности: под жертвенным ножом жреца погибал, таким образом, неиспользованным дешевый человеческий труд. Однако отсутствие интереса к использованию невольников и военнопленных в качестве рабочей силы можно объяснить либо тем, что общество не достигло того уровня, чтобы испытывать недостаток в ней, либо тем, что в силу особых исторических обстоятельств оно вообще не нуждалось в этом источнике трудовых ресурсов и обходилось собственной системой рабства, дозированной широкой использованием труда общинников, а также интенсивной эксплуатацией покоренных территорий.

В пользу второй части дилеммы, основываясь даже только на материалах, приведенных в настоящей статье, можно сослаться прежде всего на то, что социальное положение рабов, владеющих землей, имеющих семью и т. п., во много напоминало положение так называемых майеков (*mayaque*) — юридически как будто свободных общинников, но фактически полностью зависящих от хозяина земли. Дело в том, что среди древнеацтекских общинников-масеуалей наряду с полноправными членами общины, владеющими землей, — *calpulle* или *chinancalles* — были и уже упоминавшиеся майеки. Липившись в силу объективных социальных причин собственной землей, эти земледельцы жили тем, что обрабатывали чужую, принадлежащую «сеньору». Майеки не могли покинуть ее по собственной воле и со смертью хозяина вместе с землей переходили к наследникам²⁷. Кстати, именно особое социальное положение общинников-майеков является одним из главных аргументов для сторонников тех теорий, которые пытаются доказать раннефеодальный характер древнеацтекского государства накануне Конквисты²⁸.

Фактическая нивелировка положения и условий жизни беднейших ацтекских общинников-майеков и рабов, владеющих землей, весьма показательна, ибо служит объяснением и указанием тенденции развития данной общественной системы, а именно превращения ее в социальный организм, основывающийся на труде именно этих двух групп производителей. Труд же совершенно неимущих рабов был, видимо, второстепенным по значимости. Схожесть реальных социальных статусов этих двух групп невольно вызывает в памяти положение и роль в обществе колоннов в Риме или рабов в древнем Китае периода династии Хань. Но эта схожесть и аналогия, как и другие, является лишь частичной и приблизительной.

Но в таком случае получается, что рабство у ацтеков как бы «перешагнуло» через тот период, когда раб, как в классических рабовладельческих системах, был полной собственностью рабовладельца, его вещь. Однако

²⁶ Durán. Op. cit., t. 2, cap. 44, p. 348.

²⁷ Moreno. Op. cit., p. 57.

²⁸ Считая эту социальную группу результатом чисто автохтонных процессов, автор настоящей статьи не согласен со следующей ее оценкой: «...речь идет без сомнения об индейцах, не принадлежащих к ацтекскому племени..., которые должны были покинуть свое собственное племя в результате войн и политических волнений, для того чтобы жить под защитой мексиканского сеньора» (*Soustelle J. Les aztèques. P., 1970, p. 38*). Слишком маловероятным, а следовательно, недостаточным для того, чтобы попасть в хроники, кажется подобный добровольный переход в зависимое положение.

дело обстояло не совсем так: именно военнопленные и невольники составляли эту утерянную цепь. Разница лишь в том, что если в Греции и Риме жизнью раба распоряжался рабовладелец, то в древней Мексике пленные инородцы погибали на алтаре.

Для характеристики древнеацтекской рабовладельческой системы, а также для дополнения вышесказанного имеет значение и еще одно обстоятельство. Поскольку древнемексиканский религиозный календарь требовал жертв на протяжении всего года, определенному числу невольников в течение некоторого времени сохранялась жизнь. Их содержали в больших клетях, которые тщательно охранялись. Если пленник убежал, то охранник, как сообщает автор хроники, возмещал «сеньору» его стоимость²⁹. Последние факты показательны в двух отношениях. Прежде всего, у каждого пленника действительно был собственный хозяин, т. е. тот, кто пленил его. Во-вторых, что чрезвычайно важно, военнопленные уже имели рыночную цену: взамен скрывшегося из-под стражи пленного провинившийся охранник и его родня предоставляли владельцу рабью, а также ряд ценных вещей. Подобного рода сведения чрезвычайно важны, ибо позволяют связывать с военнопленными не только религиозный ритуал, но и, так сказать, обстоятельства мирской жизни, в частности рынок.

В то же время истинность первой части дилеммы представляется сомнительной: разве в древнеацтекской системе рабства нельзя найти достаточно доказательств в пользу схожести ее с аналогичным институтом, например в Ассирии или древнем Египте, т. е. в цивилизациях, которые соответствовали периоду становления этой общественной структуры? Действительно, приведенный материал вполне можно использовать в качестве предмета такого сравнительного анализа. Однако все дело заключается в том, что эти параллели не в состоянии в корне изменить и умалить роль главной экономической машины ацтекского государства: оно нашло способ поддержания собственного существования и развития, состоящий в использовании труда различных категорий и общинников, и рабов, сохранивших главные стимулы к трудовой деятельности: землю, жилище и семью.

Своеобразная реализация элементов рабовладения при сохранении значительной доли труда общинников составляла ту эффективно действующую основу, которая со временем могла бы перерасти в феодальную систему. Однако, обладая вместе с тем чертами достаточно консервативной социальной системы, ацтекское государство, по всей видимости, еще долго существовало бы в том состоянии, в какой его застали европейцы. Это в полной мере относится и к одному из важнейших элементов данной системы — рабовладению. С учетом всего изложенного можно полагать, что нет никаких оснований для «упреков» в адрес несовершенства древнеацтекской рабовладельческой системы. Так же маловероятна и возможность превращения этой системы в «классический» вариант, не будь ее развитие прервано испанцами.

Таким образом, представленная здесь картина рабства в ацтекском обществе позволяет говорить о существовании у древних ацтеков достаточно развитого рабовладельческого государства, хотя и далекого от классического варианта. Как известно, в человеческой истории «чистых» общественно-экономических формаций нет, и ацтекское государство яркий тому пример: здесь можно найти набор признаков и первобытнообщинной, и рабовладельческой системы. И возвращаясь к двум противоположным мнениям, ссылаясь на которые начиналась эта статья, можно сказать,

²⁹ Motolinla. Op. cit., p. 160.

что гораздо ближе в оценке стадии развития древнеацтекского государства стоит У. Шленгер, ибо он совершенно прав в анализе его основных экономических параметров. Что же касается утверждения о наличии в данном обществе элементов феодальной системы уже накануне испанского завоевания, то этот вывод автора излишне поспешен.

В целом рассмотренная здесь проблема, конечно, далека от своего полного разрешения. В частности, в настоящей статье сознательно не приводятся цифры, отражающие численность различных категорий рабов, по той причине, что они просто не существуют в достоверном варианте. Число рабов уже в раннеколониальный период различно у разных авторов — от 200 тыс. до 3 млн. человек по всей Мексике, а между тем численные пропорции в социальной структуре общества имеют во многом принципиальное значение для характеристики его. Вероятно, это одно из перспективных направлений, в котором можно продолжить исследование древнеацтекского института рабства.

В. Е. Баглай

SLAVERY AMONG THE AZTECS

V. Ye. Baglai

The author deals with one of the most controversial questions besetting the study of ancient Aztec society, the nature of its slave institutions. The material discussed includes chronicles and other literary works of the 15th to 17th centuries and modern research studies. Slaves constituted the lowest of the five groups in the social scale of Aztec society. The author believes that the use of slave labour was fairly wide spread: in the owner's house, as carriers for merchants and in public works. Slaves were bought and sold, the largest slave markets being Azcapozalco and Izocan. Aside from patriarchal slavery, enslavement resulted chiefly as punishment for theft, stealing children to sell into slavery, killing one's benefactor, failure to perform debt obligations, treason against the state or the «señor». The rules for emancipation from slavery were both traditional (ransom) and specific, applying to local conditions. The author stresses the originality of the Aztec slave system in that most slaves had land, a house, a family of their own, although some of course were quite destitute. The children of slaves were born free, so that one family might comprise both free and slave members. The owner had no right to the property of his slave nor could he do just what he liked with him. A group close to the slaves in respect to social condition were the *mayaques*, persons who for a variety of reasons were deprived of the right to use land within the community and lived by working the land of the señor. They could not leave this land of their own will and when the owner died they passed to the heirs together with the land. In the author's opinion the Aztec system was broadly based on the labour of slaves and *mayaques*, as well as of free community members, and also on the intensive exploitation of the population of subject territories. In such a situation there was no need to exploit the labour of prisoners of war. In sum, Aztec society may be regarded as a fairly developed state of slaveowners, though far from having attained the level of the so-called classical type. But, the author stresses, the problem needs further study.